

РОДНИЧОК

КНИГА
ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ
В 4 КЛАССЕ

Тула
Родничок
Москва
АСТ

Уважаемые родители и преподаватели!

Произведения, включенные в сборник, могут быть использованы в начальной школе на уроках внеклассного чтения, литературного образования, для чтения в кругу семьи. Они вводят младших школьников в мир большой литературы, помогают формированию у них умений и навыков чтения, тяги к нему, развитию интересов и кругозора, нравственных качеств. Подбор произведений осуществлен в соответствии с программным материалом. Составители попытались учесть интересы и учителей и детей.

**НАЕДИНЕ
С ПРИРОДОЙ**

И. С. Тургенев

ПЕРЕПЁЛКА

Мне было лет десять, когда со мной случилось то, что я вам сейчас расскажу.

Дело было летом. Я жил тогда с отцом на хуторе, в южной России. Кругом хутора на несколько вёрст тянулись степные места. Ни лесу, ни реки близко не было; неглубокие овраги, заросшие кустарником, точно длинные зелёные змеи, прорезали там и сям ровную степь. Ручейки сочились по дну этих оврагов; кой-где, под самой кручью, виднелись роднички, с чистой, как слеза, водою; к ним вели протоптанные тропинки, и воз-

ле воды, на сырой грязице, перекрещивались следы птиц и мелких зверьков. Им хорошая вода так же нужна, как и людям.

Отец мой был страстным охотником; и как только не был занят по хозяйству и погода стояла хорошая, он брал ружьё, надевал ягдташ¹, звал своего старого Трезора и отправлялся стрелять куропаток и перепелов. Зайцами он пренебрегал, предоставляя их псовым охотникам, которых величал борзятниками. Другой дичи у нас не водилось, разве вот осенью налетали вальдшнепы. Но перепелов и куропаток было много, особенно куропаток. По опушкам оврагов то и дело попадались разрытые кружки сухой пыли, местечки, где они копались. Старый Трезор тотчас делал стойку, причём его хвост дрожал и кожа на лбу сдвигалась складками; а у отца лицо бледнело, и он осторожно взводил курки. Он часто брал меня с собою... большое это было для меня удовольствие! Я засовывал штаны в голенища, надевал через плечо фляжку и сам воображал себя охотником! Пот лил с меня градом, мелкие камешки забивались мне в сапоги; но я не чувствовал усталости и не отставал от отца. Когда же раздавался выстрел и птица падала, я всякий раз подпрыгивал на месте и даже кричал — так мне было весело! Раненая птица билась и хлопала крыльями то на траве, то в зубах Трезора, с неё текла кровь, а мне всё-таки было весело, и никакой жалости я не ощущал. Чего бы я ни дал, чтобы

¹ Ягдташ — охотничья сумка для дичи.

самому стрелять из ружья и убивать куропаток и перепелов! Но отец объявил мне, что раньше двенадцати лет у меня ружья не будет; и ружьё он мне даст одноствольное и стрелять позволит только жаворонков. Этих жаворонков в наших местах водилось множество; бывало, в хороший, солнечный день целые десятки их вились на ясном небе, поднимаясь всё выше и выше и звеня, как колокольчики. Я глядел на них как на свою будущую добычу и прицеливался в них палочкой, которую носил на плече заместо ружья. Попасть в них очень легко, когда они в двух-трёх аршинах от земли останавливаются в воздухе и трепещутся, прежде чем вдруг плюхнуться в траву.

Иногда далеко в поле, на жнивье или на зеленях, торчали драхвы¹; вот, думалось мне, такую большую штуку убить — да после этого и жить не надо! Я указывал на них отцу; но он всякий раз говорил мне, что драхва — птица осторожная и человека близко не подпускает. Однако раз он попытался подкрасться к одинокой драхве, полагая, что она подстреленная и отстала от своего стада. Велел Трезору идти за ним следом, а мне так и вовсе остаться на месте; зарядил ружьё картечью, ещё раз обернулся к Трезору, даже пригрозился ему, шёпотом скомандовал: «Аррьер! Аррьер!», скорчился в три погибели и пошёл — не прямо к драхве, а стороною. Трезор хоть и не скорчился, но выступал тоже очень удивительно: раскарякой, и хвост поджал и одну губу закусил. Я не вытерпел и чуть не ползком отправился за отцом и за Трезором. Однако драхва и на триста шагов нас не подпустила; сперва побежала, потом замахала крыльями и полетела. Отец выстрелил и только вслед ей посмотрел... Трезор выскочил вперёд и тоже посмотрел. Посмотрел и я... и так мне обидно стало! Что бы, кажется, ей ещё немного подождать! Картечь непременно бы её достала!

Вот однажды мы с отцом отправились на охоту — под самый Петров день². В то время молодые куропатки ещё малы бывают, отец не хотел их

¹ Драхва́ — дрохва, дрофа — крупная степная птица из отряда журавлиных.

² Петро́в день (*устаревшее название*) — 12 июля, день, с которого разрешалась охота на дичь.

стрелять и пошёл в мелкие дубовые кустики, возле ржаного поля, где всегда попадались перепела. Косить там было неудобно, и трава долго стояла нетронутой. Цветов росло там много: журавлиного горошку, кашки, колокольчиков, незабудок, полевых гвоздик. Когда я ходил туда с сестрой или горничной, то всегда набирал их целую охапку; но когда я ходил с отцом, то цветов не рвал: я находил это занятие недостойным охотника.

Вдруг Трезор сделал стойку; отец мой закричал: «Пиль!» — и из-под самого носа Трезора выскочила перепёлка и полетела. Только полетела она очень странно: кувыркалась, вертелась, падала на землю, точно она была раненая или крыло у неё надломилось. Трезор со всех ног бросился за нею... он этого не делал, когда птица летела как следует. Отец даже выстрелить не мог, он боялся, что зацепит дробью собаку. И вдруг смотрю: Трезор наддал — и цап! Схватил перепёлку, принёс и подал её отцу. Отец взял её и положил себе на ладонь, брюшком кверху. Я подскочил. «Что это, — говорю, — она раненая была?» — «Нет, — ответил мне отец, — она не была раненая; а у неё, должно быть, здесь близко гнездо с маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что её легко поймать». — «Для чего же она это делает?» — спросил я. «А для того, чтобы отвести собаку от своих маленьких. Потом бы она хорошо полетела. Только на этот раз она не разочла; уж слишком притворилась, и Трезор её поймал». — «Так она не раненая?» — спросил я опять. «Нет...

но живой ей не быть... Трезор её, должно быть, даванул зубом».

Я пододвинулся ближе к перепёлке. Она неподвижно лежала на ладони отца, свесив головку, и глядела на меня сбоку своим карим глазком. И мне вдруг так жаль её стало! Мне показалось, она глядит на меня и думает: «За что же я умирать должна? За что? Ведь я свой долг исполняла; маленьких своих старалась спасти, отвести собаку подальше — и вот попалась! Бедняжка я! Бедняжка! Несправедливо это! Несправедливо!»

«Папаша! — сказал я. — Да, может быть, она не умрёт», и хотел погладить перепёлочку по головке. Но отец сказал мне: «Нет! Вот посмотри: у ней сейчас лапки вытянутся, она вся затрепещется, и закроются её глаза». Так оно точно и случилось. Как только у ней закрылись глаза, я заплакал. «Чему ты?» — спросил отец и засмеялся. «Жаль мне её... — сказал я. — Она долг свой исполняла, а её убили! Это несправедливо!» — «Она схитрить хотела, — ответил мне отец. — Только Трезор её перехитрил». — «Злой Трезор!» — подумал я... да и сам отец показался мне на этот раз недобрым. Какая же тут хитрость? Тут любовь к детёнышам, а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобы детей своих спасти, так не следовало Трезору её поймать! Отец хотел было сунуть перепёлку в ягдташ; но я её у него выпросил, положил её бережно в обе ладони, подышал на неё... не очнётся ли она? Однако она не шевелилась. «Напрасно, брат, — сказал отец, — её не воскресишь. Вишь, головка у ней болтается».

Я тихонько приподнял её за носик; но только я отнял руку — головка опять упала. «Тебе всё её жаль?» — спросил меня отец. «А кто же маленьких кормить будет?» — спросил я в свою очередь. Отец пристально посмотрел на меня. «Не беспокойся, — говорит, — самец-перепел, отец, их выкормит. Да вот постой, — прибавил он, — никак Трезор опять стойку делает... уже это не гнездо ли? Гнездо и есть».

И точно... в траве, в двух шагах от Трезоровой морды, тесно, рядышком лежали четыре птенчика; прижались друг к дружке, вытянули шейки и все так скоро, в один раз дышат... точно дрожат! А уж оперились; пуху на них нет — только хвостики ещё очень короткие. «Папа! Папа! — закричал я благим матом. — Отзови Трезора! А то он их тоже убьёт!»

Отец крикнул Трезора и, отойдя немного в сторону, присел под кустик, чтобы позавтракать. А я остался возле гнезда, не захотел завтракать. Вынул чистый платок, положил на него перепёлку... «Смотрите, мол, сиротки, вот ваша мать! Она собой для вас пожертвовала!» Птенчики по-прежнему дышали скоро, всем телом. Потом я подошёл к отцу. «Можешь ты мне подарить эту перепёлочку?» — спросил я его. «Изволь. Но что ты хочешь с ней сделать?» — «Я хочу её похоронить!» — «Похоронить?!» — «Да, возле её гнёздышка. Дай мне твой нож, я ей могилочку вырою». Отец удивился. «Чтоб детки к ней на могилу ходили?» — спросил он. «Нет, — отвечал я, — а так... мне хочется. Ей будет тут хорошо лежать, возле

своего гнезда!» Отец ни слова не промолвил, достал и подал мне нож.

Я тотчас вырыл ямочку; поцеловал перепёлочку в грудку, положил её в ямочку и засыпал землёю.

Дней через пять мы с отцом пришли опять на то же место. И я могилку нашёл. Однако гнёздышко было пусто, птенчиков ни следа. Мой отец меня уверил, что старик их увёл, их отец; и когда в нескольких шагах оттуда вылетел из-под куста старый перепел, он его стрелять не стал... И я подумал: «Нет! Папа добрый!»

Но вот что удивительно: с того дня пропала моя страсть к охоте, и я уже не думал о том времени, когда отец подарит мне ружьё! Однако, когда я вырос, я тоже начал стрелять; но настоящим охотником никогда не сделался. Вот ещё что меня отучило.

Раз мы вдвоём с товарищем охотились на тетеревов. Нашли выводок. Матка выскочила, мы выстрелили и попали в неё; но она не упала, а полетела дальше вместе с молодыми тетеревятами. Я было хотел пойти за ними, но товарищ сказал мне: «Лучше здесь присесть и подманить их... все сейчас здесь будут». Товарищ отлично умел свистать, как свищут тетеревята. Мы присели; он стал свистать. И точно: сперва один молодой откликнулся, потом другой, и вот слышим мы: сама матка квохчет, да нежно так и близко. Я приподнял голову и вижу: сквозь спутанные травяные былинки идёт она к нам, спешит, а у самой вся грудь в крови! Знать, не вытерпело материнское

сердце! И тут я самому себе показался злоде-
ем!.. Встал и захопал в ладоши. Тетёрка тотчас
же улетела — и молодые затихли. Товарищ рас-
сердился; он за сумасшедшего меня счел... «Ты,
мол, испортил всю охоту!»

Но мне с того дня всё тяжелей и тяжелей ста-
ло убивать и проливать кровь.

